

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 113–124.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 113–124.

Научная статья

УДК 343.3

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/113-124>

**Воспрепятствование законной профессиональной
деятельности журналистов:
правовая природа и вопросы уголовно-правовой характеристики**

Александр Иванович Чучаев¹, Юлия Викторовна Грачева², ✉

¹ Институт государства и права Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

² Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Российская Федерация

✉ jvgracheva@msal.ru

Аннотация. В противодействии участвующим случаям нападения на журналистов значительную роль должны играть уголовно-правовые средства. Уголовное законодательство содержит запрет на воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, однако эффективность уголовно-правовой нормы может страдать как из-за спорного характера правовой природы преступления, так и неоднозначно толкуемых в доктрине и правоприменительной практике ряда признаков состава преступления: объекта, его видов, потерпевшего, воздействия как признака объективной стороны, объекта воздействия и др. Авторы предлагают свою трактовку указанных и иных признаков рассматриваемого деяния.

Ключевые слова: средства массовой информации, деятельность журналиста, воспрепятствование, принуждение, правовая природа, объект преступления, адресат воздействия

Для цитирования: Чучаев А.И., Грачева Ю.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов: правовая природа и вопросы уголовно-правовой характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, № 1. С. 113–124.

Obstruction of legitimate professional activity of journalists: legal nature and questions of criminal law characteristics

Alexander I. Chuchaev¹, Julia V. Gracheva², ✉

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

² Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

✉ jvgracheva@msal.ru

Abstract. Criminal law means should play a significant role in countering the increasing number of attacks on journalists. Criminal legislation prohibits the obstruction of the legitimate professional activities of journalists, but the effectiveness of criminal law provision may suffer both because of the controversial nature of the legal nature of the crime and because of a number of elements of the crime that are ambiguously interpreted in doctrine and law enforcement practice: the object, its types, the victim, and the impact as a sign of objective parties, the object of influence etc. The authors offer their interpretation of these and other signs of the act in question.

Keywords: mass media, journalist's activity, obstruction, coercion, legal nature, object of crime, addressee of influence

For citation: Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V. Obstruction of legitimate professional activity of journalists: legal nature and questions of criminal law characteristics. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2025, vol. 27, no. 1, pp. 113–124. (In Russ.).

До недавнего времени вопрос о правовой природе воспрепятствования законной профессиональной деятельности не ставился: все авторы исходили из места уголовно-правовой нормы в архитектонике Особенной части, определённого законодателем, признавшего его преступлением против конституционных прав и свобод личности, а в рамках гл. 19 УК РФ – деянием, посягающим на личные (гражданские) права и свободы человека [1, с. 206; 2, с. 85]. Так, Т.Ш. Изъятов пишет: «...весь набор правомочий человека в области информации ... давно уже пора отнести к группе личных прав» [3, с. 12].

А.А. Дегтерев поставил под сомнение обоснованность решения законодателя признать рассматриваемое деяние преступлением против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Его «...юридическая природа, – отмечает автор, – ...совершенно иная, а не та, которая признана законодателем, а вслед за ним – учёными и практическими работниками. Средства массовой информации ... являются структурным элементом политической системы государства. Следовательно, при

воспрепятствовании деятельности журналиста виновный посягает на средства массовой информации как институционально-субъектную, информационную подсистему политической системы, устанавливающую связь между властью, политическими и общественными организациями и гражданами страны. Место нормы, предусматривающей ответственность за воспрепятствование профессиональной работе журналиста, в гл. 29 УК РФ, которая объединяет преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» [4, с. 209].

По нашему мнению, позиция законодателя предпочтительнее, чем предложение автора. Согласно п. 4 ст. 29 главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Таким образом, указанное право относится к числу конституционных, его нарушение обоснованно отнесено к посягательствам на конституционные права и свободы человека и гражданина, а не к преступлениям, посягающим на конституционный строй и безопасность государства. Включение рассматриваемого деяния в круг последних нарушает логику формирования данной главы; возможно, поэтому А.А. Дегтерев и не определил конкретное её место в системе гл. 29 УК РФ.

В подтверждение своей точки зрения автор приводит ещё два довода. Он пишет: «...подход законодателя к сущности уголовно-правового запрета (как к нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина. – Ю.Г., А.Ч.) вызывает сомнение. Как, например, можно говорить о нарушении конституционных прав и свобод человека и гражданина при принуждении к распространению сведений, соответствующих действительности? Казалось бы, наоборот, в этом случае обеспечивается право на получение информации. Ещё одна деталь, которая ... свидетельствует о том, что рассматриваемым преступлением нарушаются не указанные права и свободы, а иные общественные отношения, свидетельствует проявление общественной опасности вовне. Оно заключается не в причинении вреда журналисту ... а в нанесении вреда информационной составляющей политической системы России» [4, с. 208–209].

На наш взгляд, указанные обстоятельства не усиливают позицию А.А. Дегтерева. С одной стороны, он прав, утверждая, что воздействие на журналиста характеризует способ совершения преступления и выражается в так называемом дополнительном деянии. Правовая природа преступления была бы совершенно иной, если объектом уголовно-правовой охраны выступала личность журналиста и его близких (жизнь, здоровье, честь, достоинство, собственность); в этом случае речь следовало бы вести о преступлениях, предусмотренных гл. 16 или 21 УК РФ. С другой стороны, автор допускает существенную неточность: общественная опасность рассматриваемого преступления не ограничивается нанесением вреда информационной составляющей политической системы, она в любом случае носит интегративный характер,

складывается из опасности воздействия на потерпевшего-журналиста, нарушения конституционного права на получение информации и опасности личности виновного.

Гипотетический вопрос не только ничего не добавляет в характеристику преступления как посягательства против конституционного строя и безопасности государства, но и, по сути, колеблет утверждение автора. Воспрепятствование законодатель связывает с законной деятельностью журналистов, в приведённом примере она таким не является, следовательно, уже поэтому не подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ. Принуждение к распространению достоверных сведений, вопреки мнению А.А. Дегтерева, свидетельствует об обеспечении права на получение информации, пусть даже и таким образом (уголовно-правовая оценка подобного принуждения в данной статье не рассматривается). В этом случае основы политической системы России не терпят никакого урона.

Не только правовая природа воспрепятствования законной деятельности журналистов, но и характеристика многих признаков состава преступления относится к числу дискуссионных. Так, спорной представляется трактовка объекта преступления. В литературе, как правило, встречаются, если отвлечься от нюансов формулировок, две позиции: таковым следует признавать 1) политические права и свободы [5, с. 448]; 2) свободу печати и других средств массовой информации [6, с. 338].

Обе они, как представляется, неверно трактуют сущность объекта уголовно-правовой охраны. Первая позиция расширяет определяемое понятие, включает в него отношения, выходящие за его пределы, поскольку право на информацию является только одной из составляющих политических свобод (ст. 24, 29–33 Конституции РФ). Вторая искажает конституционное положение о свободе слова и массовой информации; другими словами, осуществлена подмена определяемого понятия – свободы массовой информации свободой средств массовой информации, что, разумеется, не одно и то же. Кроме того, средства массовой информации обладают разными видами свобод: идеологической, редакционной политики, экономической, организационной и др. О какой свободе ведут речь криминалисты, характеризуя объект преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, понять невозможно.

Нет необходимой конкретики и в трактовке объекта преступления М.А. Селезневым как законных прав профессионального журналиста на распространение информации или отказ от её распространения [7, с. 282]. На это обстоятельство обратили внимание Л.Л. Кругликов и Е.В. Красильникова [8, с. 49].

В ряде случаев характеристика объекта фактически подменяется сферой совершения деяния. Так, А.А. Малиновский в качестве такового указывает законную профессиональную деятельность журналистов [9, с. 16].

Противоречия присущи дефиниции рассматриваемого элемента состава преступления, сформулированной М.А. Скрябиным. Деяние, предусмотренное ст. 144 УК РФ, он относит к числу преступлений, нарушающих трудовые права граждан.

Казалось, логичным было бы исходя из этого и раскрывать суть объекта; будучи преступлением против трудовых прав, деяние может нарушить какое-либо право, относящееся к трудовым (например, на свободный труд, на безопасные и гигиенические условия труда и т.д.). Однако определяя объект преступления, автор пишет: «Непосредственным объектом состава ст. 144 являются общественные отношения, охраняющие свободу средств массовой информации в сфере реализации профессиональной деятельности журналистов» [10, с. 143].

Обратим внимание на ряд моментов. Во-первых, автором допускается явная некорректность: у статьи нет и не может быть состава преступления. Во-вторых, общественным отношениям придаётся не свойственная им функция охраны общественных отношений (последние сами охраняются, в том числе и средствами уголовного права). В-третьих, допускается подмена определяемого понятия: вместо объекта преступления говорится об общественных отношениях, охраняющих свободу средств массовой информации. Иначе говоря, указанные общественные отношения выносятся за пределы объекта. В-четвёртых, имеет место та же ошибка, что отмечалась ранее: законом обеспечивается не свобода средств массовой информации, а свобода массовой информации, т.е. беспрепятственное распространение предназначенных для неограниченного круга лиц печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных сообщений и материалов.

Практически все криминалисты преступление, предусмотренное ст. 144 УК РФ, признают многообъектным. Однако по многим аспектам и в этом случае нет единства мнений, в частности по уровню выделения объектов и их сущности. Так, ряд учёных считает, что рассматриваемое преступление характеризуется двумя видовыми объектами: правом на свободное распространение информации и здоровье, честь, достоинство, собственность потерпевшего [8, с. 49]. Между тем в доктрине уголовного права двуобъектность преступлений определяется на уровне непосредственного объекта.

Более сложным видится анализируемый элемент состава преступления Е.В. Красильниковой, выделяющей видовой, групповой и непосредственный объекты преступления. Вызывает сомнение наличие группового объекта вообще и рассматриваемых преступлений в частности. По крайней мере, абсолютное большинство учёных его не признают. Искусственность этого образования заметна в том числе по характеристике его содержания; по мнению автора, групповой объект охватывает общественные отношения, возникающие при реализации соответствующих норм. Однако очевидно: при реализации любой нормы возникает столько общественных отношений и таких свойств, которые не охраняются и не могут охраняться уголовным правом по определению.

На уровне непосредственного объекта Е.В. Красильникова выделяет основной, дополнительный и факультативный объекты, в ряде случаев допуская подмену

определяемого понятия (например, вместо общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны указываются общественные отношения, обеспечивающие право на распространение информации) [11, с. 8].

В литературе отражены и иные точки зрения относительно объекта преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ [12, с. 499; 13, с. 129].

Потерпевшим в рассматриваемом составе преступления выступает журналист. Понятие этого термина раскрывается в ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-I (в ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации»¹, в связи с этим на практике, по сути, в целом нет проблем с определением потерпевшего как такового.

В этом случае неопределённость в рассматриваемый признак внёс сам законодатель, указав слово «журналист» во множественном числе². С точки зрения законодательной техники это означает, что единственное число не отражает и не может отразить отражаемое явление. С точки зрения практики встаёт вопрос: образует ли состав преступления наличие лишь одного потерпевшего? Грамматическое толкование приводит к отрицательному ответу.

Подход законодателя не имеет под собой криминологической основы. Как правило, воздействие оказывается на одного журналиста и только в редких случаях – на двух и более лиц, являющихся соавторами. Однако единственное число, характеризующее потерпевшего, будет охватывать и множественность лиц, в отношении которых осуществлено преступное посягательство.

Как представляется, некорректность определения законодателем потерпевшего проявилась и по отношению к признанию таковым родственников³ журналиста (их определение содержится в п. 37 ст. 5 УПК РФ). В ч. 1 ст. 144 УК РФ они не указаны, а посягательство на них признано особо квалифицированным видом. Между тем можно воспрепятствовать распространению информации, воздействуя не на самого журналиста, а его близкого, поэтому вполне логичным представляется дополнение ч. 1 ст. 144 УК РФ указанием на данного потерпевшего (это, правда, повлечёт за собой редакционные изменения формулировки статьи).

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300; СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7218. Подробно см.: Тимошенко В.А., Смушкин А.Б. Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации» (постатейный) (подготовлен для СПС «Консультант-Плюс», 2015).

² Имеет место явление, получившее в лингвистике название синекдохи – вида метонимии (оборота речи, тропа), выражающегося в замене одного слова другим на основании смежности двух понятий, стилистический оборот, состоящий в употреблении большего вместо меньшего, целого вместо части, общего вместо частного [14, с. 637].

³ Эта категория потерпевших в УК РФ отражена по-разному. Наиболее точно она указана в п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ как близкие лица. Проблема не в использованной терминологии, а круге лиц, охватываемых понятием. Последние включают в себя в том числе близких родных, родных и иных лиц, чья судьба «основному» потерпевшему не безразлична.

Наряду с потерпевшими в литературе выделяют предмет преступления. К нему относят массовую информацию, подготовленную журналистом или находящуюся в иной степени готовности для распространения в СМИ [11, с. 8]. Это ошибочное утверждение, оно не учитывает механизм совершения преступления. Предмет должен находиться в генетической связи с объектом преступления, путём воздействия на него причиняется урон общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона. В преступлении, предусмотренном ст. 144 УК РФ, воздействие оказывается не на информацию, а на журналиста, принуждая его к совершению или отказу от совершения определённых действий.

Объективная сторона в качестве обязательных охватывает два признака: *деяние – воспрепятствование* и *способ совершения преступления – принуждение* (отражён, как уже указывалось, в виде дополнительного действия). Лексическое значение слова «воспрепятствование» многозначно. В юридической литературе, характеризуя деяние, как правило, прибегают к перечислению возможных вариантов воспрепятствования [6, с. 338]. По утверждению А.В. Курсаева, перечень его видов дан в ст. 58 Закона РФ «О средствах массовой информации», но при этом автор оговаривается, что они должны быть связаны с принуждением журналиста [15, с. 51]. Такая трактовка рассматриваемого понятия приводит к неразрешимой ситуации, на что обращает внимание А.А. Дегтерев: «...Невозможно себе представить, как в этом случае будут сопрягаться деяние, способ его совершения и цель преступления, если, например, воспрепятствование – уничтожение тиража, законодательно определённый способ – принуждение, цель – распространение информации» [4, с. 216].

Сущность деяния как воспрепятствования необходимо раскрывать с учётом цели совершения преступления: заставить журналиста распространить соответствующую информацию или воздержаться от этого.

Принуждение предполагает психическое насилие, его виды в ч. 1 ст. 144 УК РФ и названы. Путём сопоставления ч. 1 и 3 данной статьи можно заключить, что оно как вид психического насилия охватывает широкий круг возможных действий виновного, кроме угрозы совершить физическое насилие, повредить или уничтожить имущество. Подобного вида угрозы образуют особо квалифицированное воспрепятствование законной деятельности журналиста. В связи с этим необоснованным представляется утверждение, согласно которому принуждение включает в себя физическое насилие: причинение вреда здоровью, побои, лишение и ограничение свободы, похищение журналиста [16, с. 198].

Как уже говорилось, принуждение по своей сути предполагает насилие. Поэтому странным выглядит его толкование, данное Н.Г. Кадниковым, относящим к нему обещание вознаграждения, поощрения журналиста в какой-либо форме: карьерный рост, перевод в более престижное издание, премирование, оказание услуг, имеющих материальный характер, и др. [6, с. 338].

В литературе по-разному определяется объект воздействия. Так, ряд авторов признают им орган массовой информации, в отношении которого называются такие возможные угрозы, как прекращение или приостановление деятельности, уничтожение тиража или его части и др. [12, с. 501; 5, с. 454]. Это утверждение не соответствует законодательному описанию преступления. В законе сказано: «... путём принуждения их...», употреблено личное местоимение, указывающее на журналистов. Органы массовой информации (в законодательстве используется термин «средства») в ст. 144 УК РФ не упоминаются, воздействие на них не вытекает и в целом из смысла уголовно-правовой нормы. Ошибочность данного мнения становится более очевидной при обращении к ч. 3 ст. 144 УК РФ, содержащей квалифицированный вид преступления. В качестве потерпевшего в ней называются журналист и его близкий.

Доктрина уголовного права и правоприменительная деятельность сталкиваются с рядом трудностей при толковании цели совершения преступления, обозначенной в законе как распространение или отказ от распространения информации. Во-первых, следует отметить несогласованность уголовно-правовой нормы с Законом РФ «О средствах массовой информации», оперирующим иным понятием – массовая информация, являющейся только частью информации как таковой. Во-вторых, ст. 2 указанного закона предусматривает около 10 форм её распространения. В ст. 144 УК РФ говорится о распространении вообще, без конкретизации его форм, следовательно, блокирование любого варианта подпадает под признаки уголовно-правовой нормы.

Сложнее обстоит ситуация с характеристикой принуждения к распространению информации. Законодательная формулировка допускает разные трактовки его сути, крайними из которых являются: принуждение к распространению заведомо ложной информации или, наоборот, достоверной информации, которую журналист по каким-либо причинам не желает обнародовать. На наш взгляд, в этом случае требуется суброгация уголовно-правовой нормы, направленная на уточнение цели совершения преступления. Возможно её указание в наиболее общей форме: воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста¹. Кстати сказать, подобное решение усилит уголовно-правовое обеспечение права граждан на получение информации, поскольку под уголовно-правовую охрану будут поставлены и другие составляющие деятельности журналиста (например, получение и собирание информации и т.д.).

Дискуссионный характер ряда признаков состава преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, обусловлена в том числе и изъятиями законодательной техники. Данное обстоятельство становится очевидным при сопоставлении формулировок основного и квалифицированного видов преступления. В ч. 2 говорится «то же деяние...», в ч. 3 – «деяния, предусмотренные частями первой и второй...». Деяние

¹ Такие или близкие по сути предложения вносились и другими авторами [17, с. 20–21; 13, с. 132].

в уголовном праве понимается двояко: во-первых, как синоним преступления (в таком значении в УК РФ оно упоминается в ст. 2, 8, 9 и 14), т.е. термину придаётся широкий смысл; во-вторых, как признак объективной стороны преступления, отражающий две формы человеческого поведения – действие и бездействие, т.е. в узком смысле.

Широкое понимание деяния, единственно допустимое при характеристике соотношения основного, квалифицированного и особо квалифицированного составов преступлений, приводит к юридическим конструкциям, противоречащим здравому смыслу. Например, это имеет место при сопоставлении способа совершения преступления: принуждение (ч. 1), соединённое с насилием или угрозой применения насилия (ч. 3 ст. 144 УК РФ). Принуждение и угроза представляют собой психическое насилие.

Рассматриваемому составу преступления присущи и другие дискуссионные аспекты, требующие самостоятельного исследования.

Список источников

1. Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их обеспечение уголовно-правовыми средствами (вопросы теории и практики). Уфа, 2001. 237 с.
2. Мачковский Л.Г. Охрана личных, политических и трудовых прав в уголовном законодательстве России и зарубежных стран. М., 2004. 201 с.
3. Изъятов Т.Ш. Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 25 с.
4. Дегтерев А.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям против основ политической системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 465 с.
5. Уголовное право Российской Федерации / науч. ред. Е.В. Благов. М., 2019. 343 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2019. 786 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебной практики / под общ. ред. В.В. Мозякова. М., 2004. 389 с.
8. Кругликов Л. Л, Красильникова Е.В. Объект воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) // Уголовное право. 2007. № 4. С. 47–51.
9. Малиновский А.А. Новый УК и свобода прессы // Законность. 1996. № 11. С. 15–19.

10. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М., 2013. 405 с.
11. Красильникова Е.В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 27 с.
12. Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2008. 603 с.
13. Каримова Ю.В. Определение объекта воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.91.6.126-133>
14. Словарь иностранных слов в русском языке / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. М., 1996. 987 с.
15. Курсаев А.В. Способы воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (статья 144 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2017. № 3 (41). С. 50–55.
16. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. 356 с.
17. Гайнутдинов Д.Р. Уголовная ответственность за посягательство на свободу массовой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 27 с.

References

1. Nurkaeva T.N. Lichnye (grazhdanskie) prava i svobody cheloveka i ikh obespechenie ugovolno-pravovymi sredstvami (voprosy teorii i praktiki) [Personal (civil) rights and freedoms of a person and their provision by criminal-legal means (theoretical and practical issues)]. Ufa, 2001. 237 p.
2. Machkovsky L.G. Okhrana lichnykh, politicheskikh i trudovykh prav v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii i zarubezhnykh stran [Protection of personal, political and labor rights in the criminal legislation of Russia and foreign countries]. Moscow, 2004. 201 p.
3. Izyatov T. Sh. Mekhanizm realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan na informatsiyu v RF [Mechanism for implementing the constitutional right of citizens to information in the Russian Federation]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2002. 25 p.
4. Degtyarev A.A. Ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problemy protivodeistviya prestupleniyam protiv osnov politicheskoi sistemy Rossii [Criminal-legal and criminological problems of counteracting crimes against the foundations of the political system of Russia]. Dr. Dis. (Legal Sci.). Moscow, 2022. 465 p.
5. Blagov E.V. (sci. ed.). Ugovolnoe pravo Rossiiskoi Federatsii [Criminal Law of the Russian Federation]. Moscow, 2019. 343 p.

6. Kadnikov N.G. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii, postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article)]. Moscow, 2019. 786 p.
7. Mozyakov V.V. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Rasshirenniy ugolovno-pravovoi analiz s materialami sudebnoi praktiki* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Expanded criminal-legal analysis with materials of judicial practice]. Moscow, 2004. 389 p.
8. Kruglikov L.L., Krasilnikova E.V. *Ob"ekt vosprepyatstvovaniya zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF)* [The object of obstruction of the lawful professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 4, pp. 47–51.
9. Malinovsky A.A. *Novyi UK i svoboda pressy* [The New Criminal Code and Freedom of the Press]. *Zakonnost'*, 1996, no. 11, pp. 15–19.
10. Sundurov F.R., Talan M.V. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of Russia. Special Part]. Moscow, 2013. 405 p.
11. Krasilnikova E.V. *Vosprepyatstvovanie zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (st. 144 UK RF)* [Obstruction of the Lawful Professional Activities of Journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Kazan, 2007. 27 p.
12. Brilliantov A.V. (ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal Law of Russia. General and Special Parts]. Moscow, 2008. 603 p.
13. Karimova Yu. V. *Opreделение ob"ekta vosprepyatstvovaniya zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov* [Definition of the object of obstruction of the lawful professional activities of journalists]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, no. 6, pp. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.91.6.126-133>
14. Lekhin I.V., Petrov F.N. (ed.). *Slovar' inostrannykh slov v russkom yazyke* [Dictionary of foreign words in the Russian language]. Moscow, 1996. 987 p.
15. Kursaev A.V. *Sposoby vosprepyatstvovaniya zakonnoi professional'noi deyatel'nosti zhurnalistov (stat'ya 144 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii)* [Methods of obstruction of the lawful professional activities of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Yuridicheskaya nauka i pravoprimeritel'naya praktika*, 2017, no. 3 (41), pp. 50–55.
16. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L. (ed.). *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Russian criminal law. Special part]. Moscow, 2015. 356 p.
17. Gainutdinov D.R. *Ugolovnaya otvetstvennost' za posyagatel'stvo na svobodu massovoi informatsii* [Criminal liability for encroachment on freedom of the mass media]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2007. 27 p.

Информация об авторах / Information about the authors

А.И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук; заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Российская Федерация),

✉ moksha1@rambler.ru

A.I. Chuchaev – Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Honored Scientist of Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ю.В. Грачева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Москва, Российская Федерация),

✉ vgracheva@mail.ru

Yu.V. Gracheva – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию / The article received 17.01.2025;
одобрена после рецензирования / revised 06.02.2025;
принята к публикации / accepted 25.02.2025.